

- ских) истоках названия 'Αλέκτωρ — *Alecturum* — *Алтарь* см.: Трубачев О. Н. Из балто-славянских этимологий. — Этимология. 1978. М., 1980, 15 и сл.
- ¹⁸ Трубачев О. Н. О синдах и их языке. — ВЯ 1976, № 4, 62—63.
- ¹⁹ *Rekkanen T.* The Pontic civitates in the Periplus of the Anonymus Ravennas, 117.
- ²⁰ Трубачев О. Н. Indoarica в Северном Причерноморье . . . — ВЯ 1981, № 2, 14.
- ²¹ Трубачев О. Н. О синдах и их языке. — ВЯ 1976, № 4, 57—58.
- ²² Словник гідронімів України. Ред. К. К. Цілуйко. Київ, 1979, 425.
- ²³ Трубачев О. Н. Indoarica в Северном Причерноморье. — В кн.: Этимология. 1979. М., 1981, 122—123.
- ²⁴ *Виноградов Ю. Г.* Древнейшее греческое письмо с острова Березань. — ВДИ 1971, № 4, 74 и сл., 76—77.
- ²⁵ Там же, 75.
- ²⁶ Так, между прочим, читают это несомненное место и другие исследователи, см.: *Брашинский*. Рец. на кн.: *Wasowicz A.* Olbia et son territoire. Paris, 1975. — Советская археология 1977, № 3, 304; см. так же: *Отрепшко В. М.* Каллипиды, алазоны и поселения Нижнего Побужья. — Советская археология 1981, № 1, 40.
- ²⁷ Ср. *Wackernagel J.* Altindische Grammatik. Bd. II, 1. Einleitung zur Wortlehre. Nominalkomposition. 2. Auflage. Göttingen, 1957, 231.
- ²⁸ Трубачев О. Н. «Старая Скифия» ('Αρχαία Σκυθία) Геродота (IV, 99) и славяне, 39.

Г. Т. Риков*

ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

1. Др.-инд. *lā-* 'брат, схватывать', лув. *la-* 'брат'

Этимология др.-инд. *la-* (3 л. ед. ч. наст. вр. *lāti*) 'брат, схватывать' до сих пор остается неудовлетворительной. Рену предположил связь с др.-инд. *rā-* (3 л. ед. ч. наст. вр. *rāti*) 'давать', приведя в качестве семантической параллели др.-инд. *dā-* 'давать': *ā-dā* 'брат, взять'¹. Эта параллель представляется ошибочной, так как семантическая оппозиция др.-инд. *dā-* 'давать': *ā-dā* 'брат, взять' обуславливается противопоставлением форм активного и среднего залога. Формы со значением 'брат, взять' всегда в среднем залоге; их первоначальное значение, как подчеркнул еще Грассман, было 'давать себе' (> 'брат, взять, получать'²). Единственным и, надо сказать, мнимым исключением являются активные формы древнеиндийского аориста *ā-da-* (ед. ч. 1 л. *ādam*, 2 л. *ādas*, 3 л. *ādat*), которые Вакернагель уже объяснил как возникшие на основе 3 л. ед. ч. *ā-dat* < **ā-da* (с нулевым вокализмом корня и с ведической вторичной флексией для 3 л. ед. ч. среднего залога *-a*) + *-t* (вторичная флексия 3 л. ед. ч. актива)³.

Допущение, что *lāti* — форма, современная по отношению к древнеиндийскому *lābhate* 'берет' (Maughofer 19, 99), также не бесспорно. Так как *lāti* встречается впервые в *Dhātupāṭha*, Барроу с полным основанием сомневается в правильности этой гипотезы⁴.

* © Г. Т. Риков, 1984 г.

Мне кажется, что возможность более предпочтительного объяснения др.-инд. *lāti* открывается при сравнении этого древнеиндийского глагола с лув. *la-* (ср. 3 л. ед. ч. прош. вр. *la-(a)-at-ta*, *la-a-ad-da*), с редупликацией *lala-* (ср. 3 л. мн. ч. наст. вр. *la-(a)-la-an-ti*, 3 л. ед. ч. прош. вр. *la-(a)-la-at-ta*)⁵. Возможно, др.-инд. *lā-* и лув. *la-* — формы с различным индоевропейским вокализмом. Если исходной формой является и.-е. **leH₁-*⁶, лув. *la-* имеет, как и хеттские глаголы *hi-* спряжения, *o*-вокализм корня.

Следует отметить, что лув. *la-* 'братъ' до сих пор не имеет надежной этимологии. Сравнение с хетт. *da-*, иер. лув. *ta-* 'братъ' и гипотеза о фонетическом чередовании *d : l* в этом случае⁷ не представляются вполне убедительными. В хеттолувийских языках раннего периода чередование *d : l* встречается преимущественно в словах неиндоевропейского происхождения; единственным бесспорным исключением является хетт. *laman* 'имя': иер. лув. *atiman-* 'имя'. Кажется, Кронассер не ошибался, предполагая, что это чередование появилось под влиянием преданатолийского субстрата⁸. Поэтому поиск других путей объяснения лув. *la-* представляется оправданным.

2. Индоиранское *yātu-* 'колдовство, волшебство'

Вед. *yātu-* 'колдовство, волшебство; колдун, призрачное существо, привидение' и авест. *yātu-* 'колдовство, волшебство; колдун' позволяют реконструировать общую индоиранскую форму **yātu-* со значением 'колдовство, волшебство', которая, по-видимому, является отглагольным существительным на *-tu*⁹.

Этимология индоиранского слова *yātu-* до сих пор остается неясной. Связь с др.-ирл. *áth* 'брод' и предположение о первоначальном значении 'брод'¹⁰ представляется мало убедительной. Шмид считает, что **yātu-* можно объяснить в связи с др.-инд. *yā-* 'молить'¹¹; эта этимология тоже является неудовлетворительной, так как в понимании примитивных людей магия является средством управления системой природных законов¹². Койпер, допуская возможность иных объяснений, думает, что *yātu-* можно объяснить как производное из др.-инд. *yā-* 'вредить, повредить'¹³.

Уже не раз отмечалось, что если в области фонетики и морфологии мы имеем возможности требовать последовательное соблюдение установленных закономерностей, то в области семантики этимология не имеет вполне надежного критерия истинности. Все же соображения, основанные на существовании семантических параллелей, являются до сих пор наилучшим аргументом этимологии в области семантики; таким образом, как и во всех случаях типологического сравнения, можно гарантировать определенную степень вероятности и исключить субъективность авторских предположений. Поэтому, ввиду таких случаев, как, например; др.-инд. *kftya* 'дело, действие, волшебство': с.-хорв. *čara* 'чары, колдовство', словен. *čára* 'чары, колдовство; колдунья', др.-рус. *чара* 'колдовство', которые являются производными от и.-е. **k^{so}er-* 'делать' (др.-инд. вед. наст. вр. *karóti*, *kṛnóti* 'он делает', аорист *ákar* 'он сделал');

ср. и лит. *kerėti* 'околдовывать, завораживать'), и ввиду большого числа сходных семантических параллелей в индоевропейских языках¹⁴, представляется возможным объяснение индоиранского *yātu-* 'волшебство, колдовство' как производного на *-tu-* от того же индоевропейского глагола, который продолжается хетт. *iya-* (др.-хетт. 3 л. ед. ч. наст. вр. *i-e-iz-zi*, *i-e-zi*, мн. ч. *i-e-en-zi*, *ya-an-zi*, 3 л. ед. ч. прош. вр. *i-e-it*) 'делать' и тох. А *ya-* (2 л. ед. ч. наст. вр. *yat*, 3 л. ед. ч. наст. вр. *yas*) 'делать'¹⁵.

¹ *Wackernagel J., Debrunner A. Altindische Grammatik. I: Introduction generale par Louis Renou. Göttingen, 1957, 121.*

² *Grassmann H. Wörterbuch zum Rig-Veda. Leipzig, 1936, 587.* Использование залоговых отношений для выражения семантических различий этого вида — известное явление в индоевропейских языках, ср. др.-гр. *αἰνυμαι* 'беру, хватаю', тох. В мед. *ai-* (конъюнктив *aimar*, *aitār*, опатив *ayitrā*) 'брать': тох. В акт. *ai-* (наст. вр. *aiskau* и т. д., конъюнктив *āyu*, *aiymo*) 'давать'; др.-гр. *δανείζομαι* 'беру взаймы': *δανείδω* 'даю деньги в рост'; *ἐύχερίζομαι* 'принимаю на себя': *ἐύχερίζω* 'вручаю, передаю, отдаю'; см.: *Беньвенист Э. Активный и средний залог в глаголе. — В кн.: Беньвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974, 191; Schmidt K. T. Die Gebrauchswesen des Medius im Tocharischen. Göttingen, 1969, 360.*

³ *Wackernagel J. Kleine Beiträge zur indischen Wortkunde. — Festgabe Jacobi, Bonn, 1926, 15; Debrunner A. Vedic md. . . isāta 'er soll nicht Macht haben'. — Die Sprache 1, 1949, 134; Watkins C. Indogermanische Grammatik. III, 1. Heidelberg, 1969, 99.* Об этом способе образования активных форм см. также: *Wackernagel J. Indisches und Italiches. — KZ 41 (1907), 305*, и сл. Формы хеттского глагола *da-* 'брать' сложились, как и др.-инд. аорист *a-da-*, на основе форм медиального залога: 3 л. ед. ч. наст. вр. *dai* < **da*+**-ei* < **dH₃-o*+**-ei*, где **-o* и **-ei* являются, следовательно, медиальной и активной флексией; 3 л. ед. ч. прош. вр. *das* < **da*+**-s* < **dH₃-o*+**-s* и т. д.; о вторичной флексии 3 л. ед. ч. *-s* см.: *Burrow T. The Sanskrit Precative. — In: Asiatica. Festschrift Friedrich Weller. Leipzig, 1954; см. также: Eichner H. Die Vorgeschichte des hethitischen Verbalsystems. In: Flexion und Wortbildung. Akten der V. Fachtagung der indogermanischen Gesellschaft. Regensburg, 9—14 September 1973. Wiesbaden 1975, 94*, где, однако, для объяснения хетт. *da-* предполагаются без оснований как существование приставки *ā* (=вед. *ā*) и аугмента *a-*, так и деривация презентных форм из претеритальных в предьстории хеттского языка.

⁴ *Burrow T.* Рец. на кн.: *Mayrhofer M. Kurzefasstes etymologisches Wörterbuch des Altindischen, Lfg. 19—22. Heidelberg. — Kratylos 15, 1970 (1972), 55.*

⁵ О формах этого лувийского глагола см.: *Laroche E. Dictionnaire de la langue louvite. Paris, 1969, 61.* — 1 л. ед. ч. прош. вр. *la-a-ū-un* KUB VII 1 III 20' и сл. является скорее всего лувийской формой в хеттском контексте (см.: *Oettinger N. Die Stammbildung des hethitischen Verbums. Nürnberg, 1979, 67*). Словоформа 3 л. ед. ч. наст. вр. *la-i* может означать либо 'он берет', либо 'он оставляет' (ср. хетт. *la-* 'оставлять', алб. *lashë* (аорист к *lë* 'оставляю'); об этой хетто-албанской изоглоссе см.: *Иванов Вяч. Вс. Архаизмы в глагольных флексах древнебалканских и албанских языков. — В кн.: Balcanica. Лингвистические исследования. М., 1979, 64; Oettinger N. Op. cit., 501.*

⁶ *И.-е. *H₁*, исчезает в этой позиции в анатолийских языках; специально о хеттском см.: *Eichner H. Die Etymologie von heth. mehur. — MSS XXXI, 1973, 54* и сл.

⁷ *Laroche E. Op. cit., 61; Kronasser H. Die Etymologie der Hethitischen Sprache I. Wiesbaden, 1966, 64.*

⁸ *Kronasser H. Vergleichende Laut- und Formenlehre des Hethitischen. Heidelberg, 1956, 64.*

- ⁹ *Kuiper F. B. J.* Four Word Studies. — IJ XV, 1973, 184; ср.: *Wackernagel J., Debrunner A.* Op. cit. II, 2. 665.
- ¹⁰ *Havers W.* Zum Bedeutungsgehalt eines indogermanischen Suffixes. — *Anthropos* XLIX, 1954, 202.
- ¹¹ *Schmid W. P.* Vedisch imaha und Verwandtes. — IF LXII, 1956.
- ¹² *Фрэзер Дж. Дж.* Золотая ветвь. М., 1980, 20 и сл.
- ¹³ *Kuiper F. B. J.* Op. cit., 184.
- ¹⁴ См., например: *Berneker I.*, 137; ЭССЯ 4, 22 (с литературой).
- ¹⁵ Здесь, возможно, надо добавить фриг. $\alpha\epsilon\zeta$ (= *aes*) 'он делал' (?). См.: *Kronasser.* Op. cit., 181.

В. Э. Орел

АЛБ. *ha*, *hëngra*

Этимологическое истолкование алб. *ha* '(я) ем' и его аориста *hëngra* '(я) ел' не только имеет самостоятельную научную ценность, но и способно, как станет ясно в дальнейшем, привести к существенным выводам относительно ареально-генетической характеристики албанского языка или опровергнуть их — в зависимости от того или иного этимологического решения.

То обстоятельство, что алб. *ha* является неправильным глаголом с весьма сложной и нестандартной парадигмой (помимо приведенных выше основных форм, укажем еще страдательное причастие *ngrënë*; имперфект, как и в других случаях, образуется от основы настоящего времени)¹, естественно, привлекло внимание этимологов и компаративистов. Первым, кто обратился к анализу алб. *ha*, *hëngra*, был Ф. Бопп². Поскольку никто из ученых, в дальнейшем исследовавших это слово, по-видимому, не опирался на наблюдения Ф. Боппа и даже не упоминал их, здесь целесообразно вкратце изложить его точку зрения, в значительной части своей сохраняющую актуальность.

Рассматривая форму аориста *hëngra*, Ф. Бопп членит эту «единственную в своем роде форму»³ на элементы *hë-* и *-ngra*, причем распознает в последнем («за вычетом назального форшлага»⁴) соответствие др.-инд. *girāmi* '(я) глотаю', т. е. и.-е. **g^wer-* то же. Тот же корень Ф. Бопп выделяет и в причастии *ngrënë*. Не соответствующее современному пониманию сравнительно-исторической фонетики далее привело Ф. Боппа к выводу, что начальный слог в аористе *hëngra* представляет собой результат редупликации **g^wer-*, которое в том же виде отражено, по его мнению, и в форме настоящего времени *ha* (характерно, что *-h-* Ф. Бопп понимает как *aspirata*).

В настоящее время из всей этой, довольно сложной этимологической конструкции может быть принято прежде всего возведение сегмента *-gr-* в *hëngra* к и.-е. **g^wer-*⁵. Именно эту (безусловно верную) точку зрения полвека спустя положил в основу своего анализа Х. Педерсен, обращаясь к анализу некоторых албано-армянских схождений⁶. Х. Педерсен, однако, пошел существенно дальше